

К 150-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ И.И. ЛАПШИНА, Н.О. ЛОССКОГО, П.Б. СТРУВЕ

УДК 14(2)
ББК 87.3(2)61-07

Ермичев Александр Александрович

Русская христианская гуманитарная академия, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: 7723516@gmail.com

И.И. Лапшин и Н.О. Лосский в журнале «Der Russische Gedanke»

Предлагаемые материалы подготовлены к 150-летию юбилею выдающихся русских философов-идеалиста-критициста И.И. Лапшина и религиозного метафизика-интуитивиста Н.О. Лосского. Материалы раскрывают малоизвестный эпизод освещения их творчества в журнале Der russische Gedanke, выходившем в Чехословакии в 1929–1931 годах. Они открываются вступительной заметкой о журнале и его основателе и редакторе Б.В. Яковенко. Подчеркивается преемственность замысла Б.В. Яковенко с главной идеей «Логоса» – «международного журнала по философии культуры». Другая часть материалов – это небольшие статьи Б.В. Яковенко, написанные в 1930 г. к 60-летию И.И. Лапшина и Н.О. Лосского. Третья, самая большая часть, представляет собой собрание четырех рецензий на книги Н.О. Лосского, вышедших в европейских издательствах, и четырех рецензий самого Н.О. Лосского на работы своих коллег. Их содержание хорошо иллюстрирует уважительный характер профессиональных отношений у русских философов.

Ключевые слова: русское зарубежье, русская философия, идеал-реализм Н.О. Лосского, критицизм И.И. Лапшина, свобода воли, органическая логика, философия Н.А. Бердяева, московский реализм, ангелология С.М. Булгакова, семинарий по Ф.М. Достоевскому

Ermichev Aleksandr Aleksandrovich

Russian Christian Academy of the Humanities, Advanced PhD (Philosophy), Professor,
Professor of the Department of Philosophy, St. Petersburg, Russia, e-mail: ozo.rchga@gmail.com

I.I. Lapshin and N.O. Lossky in the journal «Der Russische Gedanke»

The materials here proposed have been prepared for the 150th birth anniversary of the of two outstanding Russian philosophers: the idealist and criticist I.I. Lapshin and the religious metaphysician and intuitionist N.O. Lossky. The materials reveal a little-known episode of reception of their work in the magazine “Der russische Gedanke”, published in Czechoslovakia between 1929 and 1931. The first piece is an introductory note about the journal Der russische Gedanke and its founder and editor, B.V. Yakovenko. The author emphasizes the continuity of B.V. Yakovenko's thought with the main idea

of "Logos – International Journal of Cultural Philosophy". Another part of the materials are a number of articles by B.V. Yakovenko, written in 1930 for the 60th birth anniversary of I.I. Lapshin and N.O. Lossky. The third and largest part of this work is a collection of four book reviews written by N.O. Lossky and published in European publishing houses, and four reviews written again by N.O. Lossky on the work of his colleagues. Their content shows the respectful nature of the professional relationship between the Russian philosophers.

Key word: Russian abroad, Russian philosophy, N.O. Lossky's ideal-realism, I. I. Lapshin's criticism, freedom of will, organic logic, N. A. Berdyaev's philosophy, Moscow realism, S. M. Bulgakov's Angelology, F. M. Dostoevsky's Seminary

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.075-093

Журнал *Der russische Gedanke* выходил в Германии в издательстве Фридриха Когена в Бонне в 1929/1930 и 1930/1931 годах, когда появились три его первых тома, а в следующем году – еще два. Кроме того, к вышедшим книгам дополнительно было издано еще шесть, посвященных различным философским и историко-философским сюжетам.

Основателем и редактором журнала был Борис Валентинович Яковенко, известный ранее как один из организаторов и активных авторов русской версии «международного журнала по философии культуры» «Логос». Ясно, что появление «Логоса» в 1910 г. сделало более интенсивным диалог между русским религиозным онтологизмом и европейской научно-идеалистической мыслью. Для России это принесло превосходные философские результаты в виде «Предмета знания» (1915 г.) С.Л. Франка, «Философии Гегеля как учения о конкретности Бога и человека» (1918 г.) И.А. Ильина, «Этики Фихте» (1914 г.) Б.П. Вышеславцева и др. Б.В. Яковенко был одним из самых активных участников этого диалога.

Но в 1913 г. он был вынужден покинуть Россию, а в следующем году начавшаяся война прервала издание русского «Логоса».

После Октябрьской революции теперь уже большинство русских философов оказались за рубежом и в их числе полный состав редакции «Логоса». Естественно, родилась идея возобновления журнала, тем более что диалог «научников» и «религиозников» в ходе прокатившихся войн и революций стал более острым и актуальным и не мог быть разрешен сейчас и сразу. Первая книга возобновленного «Логоса» под редакцией С.И. Гессена, Ф.А. Степуна и Б.В. Яковенко появилась в Праге в 1925 г. Или из-за финансовых трудностей, или из-за разногласий внутри редакции издание прекратилось на первой книге.

Но Б.В. Яковенко не отказался от идеи международного журнала, открытого для представителей культуры всех направлений с разными, даже противоположными взглядами. Он полагал, что такой журнал, имея в виду огромное значение русской революции и новой, Советской России в современном мире, мог бы стать «европейской трибуной русской мысли». Идея «Логоса» была сменена идеей *Der russische Gedanke. Internationale Zeitschrift für russische Phi-*

osophie, Literaturgeschichte und Kultur. Большая часть помещенных в его номерах статей печаталась по-немецки, а некоторые из них – на других европейских языках, родных для авторов (английском, итальянском, французском).

Хотя в *Der russische Gedanke* печатались Н.А. Бердяев, С.И. Гессен, В.В. Зеньковский, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Ф.А. Степун, Д.И. Чижевский и др., это не сделало его востребованным ни у европейцев (которым более интересна была победившая Советская Россия), ни у представителей русской эмиграции (все работы названных авторов, быть может за исключением их рецензий, ранее были опубликованы в русских и зарубежных изданиях). Специфические условия эмигрантского существования не были благоприятны для достижения той высокой цели, которая была намечена инициатором. Какую-то роль могли сыграть особенности характера Яковенко. Странно, что, прожив за границей почти сорок лет, отличаясь огромной работоспособностью, он почему-то только один раз выступил в Философском обществе в Праге и опубликовал только одну статью в одном из многочисленных научных, литературных и философских журналов русского зарубежья 20–30-х годов XX века.

Der russische Gedanke вспоминается сейчас в связи со 150-летними юбилеями двух русских мыслителей – И.И. Лапшина и Н.О. Лосского. В 1930 году, как раз когда выходило новое издание Б.В. Яковенко, двум русским пражанам – И.И. Лапшину в октябре и Н.О. Лосскому в ноябре – исполнялось шестьдесят лет. Общественность отметила их юбилеи. 15 декабря известный ученый-психиатр Н.Е. Осипов на заседании Философского общества прочитал доклад «Лапшин и Лосский», и соединение их имен было понятно всем, кто помнил петербургский университет и кафедру А.И. Введенского, на которой вместе работали критик И.И. Лапшин, отвергавший метафизику, и создатель интуитивистского идеал-реализма метафизик Н.О. Лосский. Через несколько дней в Чешско-русском объединении Славянского института состоялось чествование двух юбиляров с речами чеха Йозефа Поливки и русского Е.А. Ляцкого.

А что же *Der russische Gedanke*? В первом томе 1930/1931 года издания Б.В. Яковенко напечатал статью «Пять юбилеев», далее в скобках пояснив, чьи именно юбилеи он имеет в виду: это – П.И. Милюкова, П. Струве, Т.Г. Масарика, Д. Рязанова, И. Лапшина.¹ Здесь почему-то нет имени еще одного юбиляра – Н.О. Лосского. Но уже в следующей, второй книге журнала Б.В. Яковенко пишет статью «Шестидесятилетний юбилей Н.О. Лосского»² (часть ее предлагается читателю ниже), а в 1932 году в качестве дополнительного тома к *Der russische Gedanke* появился том, посвященный Н.О. Лосскому³. В нем приняли участие и европейские авторы (итальянец А. Алиотти, немец Г. Дриш, поляк В. Люто-славский и др.), и русские эмигранты (С. Франк, А. Штейнберг, Е. Спектор-

¹ См.: В. Jakowenko. Funf Jubilaen (P. Miljukow, P. Struwe, Th. G. Masaryk, D. Rjasanow, I. Lapschin) // *Der russische Gedanke*. 1930/1931, 1. Heft. S. 96–101.

² См.: В. Jakowenko. Das 60 jährige Jubiläum N.O. Losskij's // *Der Russische Gedanke*. 1930/1931, 2. Heft. S. 206–209.

³ См.: Festschrift N.O. Losski zum 60. Geburtstage. Verlag von Fridrich Cohen in Bonn 1932. S.179.

ский, В. Сеземан, сам Б.В. Яковенко). Собственно, в *Der russische Gedanke* было опубликовано шесть работ Н.О. Лосского, в их числе статьи «Умозрение как метод философии» (ранее напечатана в пражском номере «Логоса»), «Принцип полноты бытия» (из первой книги «Научных трудов Русского Народного университета в Праге» за 1928 г.) и «Мифическое и современное научное мышление» (из 14-й книжки бердяевского «Пути» за 1928 г.).

И.И. Лапшин – другое. Отдельным сборником отмечен он не был. В статье «Пять юбилеев» Б.В. Яковенко дал о нем маленькую справку, возмещая ее невыразительность пространной библиографией философа, быть может первой в жизни Ивана Ивановича. Здесь же была размещена его фотография. В *Der russische Gedanke* на немецком языке появились три его статьи, ранее напечатанные в русских изданиях: «Опровержение солипсизма», «Достоевский и Паскаль», «О философии Карела Воровки».

О журнале Б.В. Яковенко имеется содержательная статья Н. Плотникова «Европейская трибуна русской философии»⁴ в колеровских «Исследованиях по истории русской мысли» за 1999 г. Статья хороша еще и тем, что к ней приложена роспись содержания журнала и дополнительных к нему томов. Можно напомнить, что программные редакционные статьи *Der russische Gedanke*⁵ переведены на русский язык и опубликованы в сборнике «Борис Валентинович Яковенко», вышедшем в 2012 г. в серии «Философия России первой половины XX в.» Публикатор предлагает читателю фрагменты двух статей Б.В. Яковенко. Первый фрагмент – справка об И.И. Лапшине – выбран из статьи «Пять юбилеев. П. Милюков, П. Струве, Г. Масарик, Д. Рязанов, И Лапшин» (*Der russische Gedanke* № 1 за 1929/1930 г.⁶, второй фрагмент – из статьи Б.В. Яковенко «Шестидесятилетний юбилей Н.О. Лосского» (*Der russische Gedanke* № 2 за 1930/1931 г.⁷. Интересны рецензии В. Янкелевича, Б.В. Яковенко, С.И. Гессена, Э. Хармса на книги Н.О. Лосского, вышедшие ко времени юбилея, и, наконец, рецензии самого Н.О. Лосского.

Переводы немецких текстов принадлежат А.А. Ермичеву. Перевод рецензии М. Янкелевича с французского сделан А.А. Златопольской и Н.М. Сперанской.

⁴ См.: Н. Плотников. Европейская трибуна русской философии: *Der russische Gedanke* (1929-1938) // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 1999 г. / под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1999. С. 331–358.

⁵ См.: Яковенко Б.В. «... Современная эпоха развивается и протекает под знаком русского духа» / вступ.статья Б.В. Яковенко к трем номерам журнала *Der russische Gedanke* // Борис Валентинович Яковенко / под ред. А.А. Ермичева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 199–209.

⁶ При переводе снята библиография И.И. Лапшина.

⁷ Здесь тоже сняты биографическая и библиографическая разделы статьи.

Б.В. ЯКОВЕНКО

ИВАН ИВАНОВИЧ ЛАПШИН

Двадцать четвертого октября замечательный русский философ Иван Иванович Лапшин празднует свой 60-летний юбилей. Сегодня он является неоспоримо выдающимся русским представителем кантианства, или, точнее, имманентного субъективного критицизма. Идею, близкую его философскому кредо, читатель может почерпнуть в статье этого философа, появившейся в этой тетради. До 1922 г. в Петербургском (Петроградско-Ленинградском) университете он занимал философскую кафедру вместе с его учителем А.И. Введенским. В 1922 г., высланный Советским правительством как «вредный философ», он прибыл по приглашению чехословацкого правительства в Прагу, где сначала был доцентом русского юридического факультета, а позднее время от времени вел занятия философского содержания в Русском народном университете, посвятив себя плодотворной литературной деятельности. Главными его произведениями являются следующие: «Законы мышления и формы познания» (1906 г.), где он подробно и основательно развивает теорию, согласно которой все элементы человеческого познания действительны и эффективны только в тесной связи друг с другом и в теоретико-познавательном плане никакого ощущения, предшествующего формам познания, не существует, равно как вообще не существует докатегориальной данности вещей (за эту работу, главные положения которой появились в «Кантовских исследованиях» в 1909 г., ему была присуждена высшая русская ученая степень доктора философии); «Проблема чужого Я в новой философии» (1911 г.); «Опровержение солипсизма» в «Ученых записках» (Прага, 1923. 1); «Философия изобретения и изобретение философии» (1924 г., Прага) – своеобразное введение в историю философии, оперирующее философским и психологическим анализом процесса изобретения в положительных науках, в технике и в философии с использованием совершенно исключительного, необыкновенно богатого фактического материала. Помимо того, Лапшин опубликовал много других – частью систематических, а частью историко-философских статей и работ⁸.

Юбиляром написано множество статей философского содержания для большого русского словаря Брокгауза и Эфрона. Среди них – статьи «Авенариус», «Беме», «Бергсон», «Эгоизм», «Эмпиризм», «Фулье», «Куно Фишер», «Фихте», «Шопенгауэр», «Солипсизм», «Спенсер», «Шпир».

Другие библиографические сведения нужно смотреть в приложении к его русскому произведению «Философия творчества и творчество в философии» (Прага, 1924).

---

⁸ Далее в статье идет библиография И.И. Лапшина, включающая сорок названий.

Он – сотрудник «Коллегии русских ученых» в Праге, «Русского философского общества», Пражского «Славянского института» и недавно основанного общества Достоевского.

Der russische Gedanke. 1930/1931. № 1. С. 101–102.

Б.В. ЯКОВЕНКО

К 60-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ ОНУФРИЕВИЧА ЛОССКОГО

Н.О. Лосский как мыслитель оригинален. На основе различных направлений – большей частью немецких, означенных именами Фолькельта, Липпса, Гуссерля, Шуппе, Бергсона, но продолжая при этом некоторые основные положения русских мыслителей, таких как Козлов, Страхов, Соловьев, С. Трубецкой, ему удалось создать собственное философское учение, которое он гносеологически описывает как интуитивизм, а метафизически – как идеал-реализм. Этот идеал-реалистический интуитивизм сводится к следующим главным положениям: в познании обнаруживается две принципиально различные стороны – субъективная (временная психическая) и объективная (предметная или идеальная), причем философскую значимость имеет только рассмотрение этой последней. Предмет познания наличествует в акте познания как таковой, то есть в оригинале. Он не трансцендентен процессу познания. Суждение как обычная главная форма познания является всегда сравнением и само есть только акт дифференциации.

Истина определяется не соответствием с действительностью, а присутствием последней в самом познании. Процесс познания по своей природе прогрессивен и бесконечен. Теория познания может признаваться только в ее пропедевтическом значении: она подготавливает онтологию и стремится очистить и расширить дорогу для разработки и решения центральной философской проблемы бытия. Любая вещь, любой процесс в мире, помимо своего реального существования, обладает еще идеальным значением, которое изначально существенно образует его основу, делая его вообще возможным и придавая ему смысл. Идеи являются действительными категориями и регуляторами реального мира, реально происходящего. Они дают миру единство и делают из существующего органическое целое. Поскольку весь мир схвачен как отношение, что придает ему характер одной единственной системы, то это предполагает единство в образовании мира, а, следовательно, также единую субстанцию его. С другой стороны, дополнением аспекта целостности мира служат многообразие субстанционных агентов, которые между собой состоят в отношениях

непримиримой противоположности. Так, в одном отношении мир может быть очень хаотичным, тем не менее в другом отношении имеются связи, говорящие об их соответствии разумности, логосу. Однако высшая субстанция не является последним основанием мира, потому что другие субстанции не порождены ею: поскольку речь идет об их существовании, они являются точно так же беспричинны и независимы, как и она; только когда речь идет об их демонстрации и деятельности, они лишь частичным образом зависят от высшей субстанции. Отношения, которые существуют между высшей субстанцией и другими, в известной мере похожи на отношения, которые существуют между обществом и индивидуумом. Правильная разработка органического мировоззрения с необходимостью приводит к признанию надорганического принципа, абсолюта, который и содержит в себе самом все системы по ту сторону, и возвышается над законами тождества, противоречия и исключенного третьего. Но закон противоречия не нарушен в абсолюте, а просто не может быть применен к нему. Абсолют является творцом множества субстанций, которые в силу своей свободы, то есть свободы волеизъявления, то есть по своей собственной инициативе, могут посвятить все силы своей жизни своему творческому источнику, то есть абсолюту, или, используя религиозные термины, «жизни в Боге». Из этого возникает царство космоса, которое характеризуется высшим единством и современной гармонией; в то время как все его участники переживают жизнь своего единого центра, они живут тогда же не только в нем и для него, но также в себе и для себя. Это есть не абстрактный, а конкретный идеал единства. Это царство гармонии является истинно Божьим царством, и многообразие в нем возможно через идеальную различность его участников, то есть посредством индивидуализирующих противоположностей, далеких от раздора и связанной с ним вражды; в нем нет ни эгоистической изолированности, ни взаимной отрешенности, а, напротив, каждая часть этого царства существует для целого, а целое для каждой отдельной части.

Н.О. Лосский сейчас находится на пике своего духовного развития и философского творчества. До сих пор в отдельных статьях и работах почти во всех областях философии ему удается проводить свой принципиально интуитивистский тезис. Совсем недавно он опубликовал новое принципиального значения философское сочинение, которое, учитывая современное состояние философской мысли, рекомендуется к немецкому переводу. Другие произведения Лосского или находятся в печати, или ждут своего издания. Мы пожелаем Лосскому еще многие годы такой же продуктивной работы и просим его со временем и нам предоставить общее изображение своей системы в отдельных статьях.

Рецензии В. Янкелевича, Б. Яковенко, С. Гессена и Э. Хармса на четыре книги Н.О. Лосского

1. Владимир Янкелевич. N. Losski. L'Intuition la Matiere et la Vie (Paris: Alcan, 1928. 180 p.)

В этой книге г. Лосский собрал для перевода три эссе, которые могут дать французской публике представление об основных идеях его философской системы. Первое эссе, наиболее яркое, «Эскиз интуитивистской теории познания», служило введением в «Логику». Именно в этой статье г. Лосский яснее всего представляет свою теорию познания, эскиз которой он уже набросал для читателей «Ревю философик» (январский выпуск 1928 г.) и которой Французское философское общество посвятило дискуссию в этом же году.

Мы не будем здесь детально излагать эти идеи, они возникли не вчера, и автор неустанно и искусно развивает их на протяжении многих лет (см. «Обоснование интуитивизма», 1906). Попытаемся только разглядеть то, что французская мысль, глубоко перепаханная бергсонизмом, может найти в них близкого и ценного для себя. Именно в своей негативной части гносеология Лосского покажется во Франции оригинальной и ясной.

То, что, по Лосскому, умножает трудности, – это идея, порожденная картезианским дуализмом, что между объектом и субъектом существует каузальная и *транзитивная* связь; это то, что современные неврологи подразумевают, когда говорят об афферентном или эфферентном импульсе, как если бы восприятие, например, являлось точным усвоением внешнего мира в сознании. И автор без труда показывает, что субстанциализм, столь грубый и столь мало вразумительный, неизбежно ведет к релятивизму, а затем к скептицизму. Поскольку восприятие понимается как транзитивное действие и при этом нельзя допустить (как это показало, начиная с XVII века, различение первичных и вторичных качеств), что объективная реальность в неизменном виде помещается прямо внутрь субъекта, мы будем трактовать восприятие как изначальное искажение; нервная система будет рассматриваться не только как «орган», который связывает нас с внешним миром, но также как деформирующая среда, которая нас от него изолирует. Кантианский априоризм, таким образом, дает прочную основу перцепционизму, и знание, питаемое чувственностью, которая искажает то, что она передает, становится непоправимо опосредованным.

Г. Лосский, напротив, показывает, в согласии со здравым смыслом, что внешний объект («трансубъективный») и объект, воспринимаемый субъектом (имманентный), непосредственно совпадают. Все нерешаемые апории, которые связаны с проблемой «взаимодействия субстанций», отношения души и тела, происходят от того, что, в силу стойкого предрассудка, объект трактуется как транзитивная причина, которая вызывает в уме более или менее измененное

отражение, более или менее верные «следы». Отношение субъекта и объекта, или, как говорит Лосский, *гносеологическая координация*, представляет собой нечто совершенно специфическое и оригинальное. Это – созерцание, говорит он иногда, чтобы заставить понять, что речь не идет о каузальной «субординации» ни в пользу объекта, ни в пользу «я». Объект находится в пространстве, и там, именно там субъект его познает, он одновременно и непосредственно находится в сознании; я сравнил бы это со светом, который светит и тем самым освещает то, что его окружает, при этом оставаясь самим собой и не проникая в окружающие вещи, ἐνέρουει, как сказал бы Аристотель. Свет находится одновременно в пламени, откуда он проистекает, и в комнате, которую он освещает. Таким образом, гносеологическая координация сама по себе выше пространства и времени. Воспринимаемый объект есть *аутентичный* объект, оригинал; в мозге находится не копия, хотя, конечно, и не сам материальный объект. Мы ведь знаем, что можно познавать и отсутствующие объекты. Только чудо непосредственной интуиции реализует эту синхронность трансцендентного и имманентного объектов.

Чудо интуиции! Речь идет действительно о чуде, и можно задаться вопросом, не сформулировал ли г-н Лосский проблему в большей степени, чем решил ее. Объект там, в пространстве, и тем самым он находится в субъекте (внутри субъекта) без какого-либо опосредования. Это *магия* в том смысле, какой придавали этому слову немецкие романтики. Объект познаваем, но не потому, что он транзитивно действует на сознание, а потому, что одно его присутствие, так сказать, околдовывает наш дух. Но научной рефлексии всегда будет трудно отказаться от рациональной опосредованной непрерывности ради магических эффектов. И сам пример «интуитивизма» доказывает, что мы не оставляем с легкостью идею некой переработки или «трансформации» реальности в уме. В реальной совокупности *объектов*, говорят нам, ум, внимательный только к тому, что интересуется его потребности, сознательно познает только *содержание*. Как интерпретировать этот анализ, если не как незаметную уступку критицистскому различию реальности и объекта? Опровергая серьезные возражения, которые представила бы реализму так называемая теория «специфической энергии нервов», Лосский склоняет нас к убеждению, что ощущение всегда «верно», но в сложном пучке возбуждений каждый нервный аппарат может выбрать только то качество, которое его интересует. Пусть нам скажут, что и здесь различие содержания и объекта – это различие части и целого, что гносеологическое отношение остается верным: там, где электрическое возбуждение может быть воспринято как ощущение света или как слуховое ощущение, в зависимости от органа, который оно задействует, тем не менее можно говорить о субъективном изменении. Считать это отношением части и целого – только вербальный прием, к которому прибегают, чтобы маскировать, не признаваясь в нем, возврат к идеалистическому различию реальности и объекта.

Хотелось бы, впрочем, чтобы, говоря о законе Иоганнеса Мюллера, автор

цитировал Бергсона, у которого он совершенно очевидно заимствует свое решение вопроса (см. *Matiureetmïmoire*, p. 41). Бергсон сам находится под влиянием достаточно неясной ремарки Лотце, но его приоритет по отношению к Лосскому не вызывает никакого сомнения (*Matière et memoire* вышла в свет в 1897 году). Критика Лосским параллелилизма, его отвращение к идее транзитивного действия материального на духовное, его теория утилитарного восприятия, все это очень похоже на рассуждения Бергсона и действительно очень пронизательно. Но нам представляется, что мысль г. Лосского отличается глубоко русской чертой – это требование реализма, который не удовлетворен западным идеализмом и стремится снова установить контакт с вещами самими по себе.

Что касается перевода г. Экземплярского, то его совершенно невозможно читать, и мы с сожалением думаем о том, какой вред эти неверные синтаксические построения нанесут серьезной и искренней мысли г. Лосского. Трудно поверить, что переводчик, которому мы обязаны столь элегантной версией «Гефсиманской ночи» Льва Шестова, всего за несколько лет мог так позабыть грамматику и даже орфографию.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 1. С. 108.

2. Яковенко Б.В., N.O. Lossky. The Wordl as an Organic Whole. Translated from the Russian by Natalie A. Daddington / Oxford University Press (London: Hunperey Milford, 1926)

В предисловии автор говорит, что «благодаря большим усилиям могучих умов античности и новой философии многие фундаментальные проблемы бытия уже давно решены» и единственная причина того, что мы пока не имеем никакой окончательной метафизической системы, заключается в том, что каждая философия «наряду с истиной содержит в себе известный остаток заблуждения, которые обрекают ее на односторонность и партийность» и задача «нашего поколения заключается не в том, чтобы строить что-то новое, а в том, чтобы решать отдельные специальные проблемы и находить новые позиции, которые введут порядок и гармонию в доставшееся нам драгоценное наследство» (V).

В частности, в данной книге на основе теории познания интуитивизма, ранее предложенной им самим (См. «Обоснование интуитивизма», 1908) содержится попытка обосновать правомерность метафизики против субъективно-идеализма и механистического понимания природы, господствовавших во второй половине XIX века, исходивших из ложных предпосылок механической или неорганической философии.

Чтобы удовлетворительно решить эту задачу, автор в первых двух главах книги («Органическое понятие о мире» (1–7) и «Органическая структура мира»

(8–16) прежде всего, настаивает на приоритете органического способа рассмотрения перед неорганическим, доказывая при этом, что целое предшествует части и только через себя самого делает последнюю возможной и понятной. Затем в главе о «Реальном и идеальном бытии» он раскрывает сущность органической всеобщности (тотальности), причем на примере проблемы отношений показывает, во-первых, что в каждой вещи имеется нечто «духовное» или «идеальное», которое, однако, совсем не является продуктом человеческой мысли, но, скорее, идеальной частью или идеальной стороной самой вещи; во-вторых, что именно это «идеальное таит в себе силу органического единства, в-третьих, что как отношение, так и идеальная сторона вещей и органическое единство возможно только при условии и на основе сверхвременной и сверхпространственной субстанции, рассматриваемой как конкретно-идейная сущность.

В двух следующих главах («Плюрализм субстанций» (53–58) и «Абсолют» (59–80)) он излагает эскиз своего собственного понимания мира как органического целого и представляет главные идеи своей теории Абсолюта. Прочие части его книги и особенно главы VIб VI, VII и IX («Царство гармонии или царство духа» (81–100), «Царство раздора или психофизическое царство» (102–152), «Причинность и цель» (153–171), «Логические, метафизические и практические принципы» (172–184)) посвящены рассмотрению религиозно-философских, космологических и нравственных следствий предложенной им концепции мира. В заключительной главе «Основные характеристики конкретно-органического идеал-реализма» (185–199) автор сравнивает свою точку зрения с другими, сохраняя при этом свойственный ему синтетизм и иные преимущества.

При кратких и догматических формулировках, которые автор придает своим мыслям, естественно, что его изложение во многих пунктах кажется неясным и противоречивым. Среди таких мы упомянем здесь только следующие два – исключительно и принципиально важнейших. Во-первых, хотя автор и заставляет Абсолют, или Бога, быть по ту сторону мира, как нечто совершенно чуждое категориям бытия и совершенно невыразимое в терминах мира, он нарушает это благодаря совершенно последовательному проведению своего собственного принципа органического целого. В самом деле, что это, что Абсолют соединен с миром и обратно? В чем состоит сущность, основание и критерий органического единства, которое связывает их друг с другом. Далее, если такое единство и существовало, то не была ли нарушена абсолютная трансценденция, приписываемая Абсолюту или Богу? С другой стороны, если такого единства не существует, то разве перед нами не предстает новая версия дуализма неорганического мировоззрения? Во-вторых, если Абсолют является создателем мира и вещей, то нужно было подчинить все это соответствующим категориям, по меньшей мере таким, как причинность и творчество. Но если причинность, согласно взгляду самого автора, предполагается родством относящихся друг к другу членов (68), то совершенно очевидно, что абсолют как тво-

рец мира как раз поэтому состоит с этими последними в родстве, что решительно противоречит главному взгляду автора на Абсолют. Эта книга Лосского означает важную, существенную и поучительную попытку преодолеть основные проблемы метафизики. Однако было бы более выигрышно, если бы автор при втором издании решился на сопоставление с существенной и мощной антиномистикой, в последнее десятилетие особенно разработанной у Брэдли.

Английский перевод значительного произведения нужно назвать совершенно удавшимся, как это уже отмечалось английскими рецензентами (см., например, рецензию на книгу С. Ллойда Моргана в «Журнале философских исследований», III, 1928, № 4. С. 532). Оформление книги отличное.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 1. С. 109–110.

3. Гессен С.И. Н. Лосский. Свобода воли (Париж: YMCA-PRESS, 1927. 180 с.)

Этой новой книгой Н. Лосского, посвященной проблеме свободы воли, завершается целый цикл творчества известного русского философа, творца так называемого «интуитивизма». Психология – теория познания – логика – метафизика – вот путь, который проделал Лосский при разработке своей философской системы. «Свобода воли» полностью завершает теоретическую часть его системы. В известной мере это снова возвращает систему к ее исходному пункту, потому что стремление найти психологическую реальность свободы было тем, что образовало последнюю цель его «волюнтаризма», обоснованию которого было посвящено первое произведение Лосского, появившееся 26 лет назад. Хотя новая книга метафизики Лосского завершает его теоретическую философию вообще, она же одновременно открывает новые перспективы в его философском творчестве, очевидно образуя переход к проблемам этики и вообще философии ценностей, до которой так много Лосский еще не касался. Однако ни в коем случае нельзя ограничить значение этой книги тем, что она обещает в будущем. Книга как таковая в высшей степени интересна. Выбор Лосским проблемы свободы, прежде всего, обрисовывается двумя моментами. Во-первых, автор трактует проблему свободы воли в тесной связи со всеобщей проблемой онтологической структуры мира вообще, согласовываясь при этом как с В. Соловьевым, так и с новейшей немецкой философией (Николай Гартман). Свобода воли оказывается одним из частных случаев всеобщей свободы, понятие которой тесно связано с идеей иррациональности, исходно присутствующей в мире и формирующей эти многие свободы. К сожалению, изображение Лосского предполагает истину его метафизического учения (которое обосновано им также в недавно появившемся на английском языке произведении «Мир как органическое целое»). Как известно, его метафизический основной тезис, который он сам обозначил как «идеал-реализм», окрашен телеологи-

чески (в духе почти лейбнищевского антимистического рационализма), и это служит основанием, почему свобода воли у Лосского не будет довольно резко отличаться ни от «низшей» свободы организма, ни от «высшей» свободы Бога. Во-вторых, особенность изображения у Лосского заключается в превосходном различении «двойкой свободы»: «формальной» и «материальной». Посредством этого различения, которое напоминает аналогичное различие у Фихте и Шеллинга и присоединяется к понятию «материального» Шелера, Лосский пытается преодолеть старое различие детерминизма и индетерминизма в высшем синтезе. Если даже эта попытка слишком много зависит от общих метафизических предпосылок онтологического воззрения Лосского, то данная здесь исключительно ясная разработка проблемы должна найти признание даже у тех, кто критически ей противостоит.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 2. С. 223.

4. Э. Хармс. N. Losskij. Handbuch der Logik, Übersetzt von prof. W. Sesemann (Leipzig-Berlin: B.G. Teubner-Obelisk, 1927. VII+447 s.)

Нужна тщательная работа, которая выходит за рамки рецензии, чтобы понять философскую ценность «Руководства по логике» Н.О. Лосского, оценить его в полном значении и всего интересного в нем в той связи, в которой оно стоит в истории его отрасли философской науки и ее различных современных устремлений и точек зрения.

В современной научной литературе о мышлении логика Лосского стоит особняком, потому что в разработке этой основной философской дисциплины она представляет абсолютно собственную и потому совершенно новую знаменательную форму, основательно отличающуюся как от привычного вида учебников логизма, так и от распространенного стиля дискуссии, вошедших в моду со времени логических исследований Гуссерля.

Это «Руководство по логике» является настоящим учением о мышлении и мысли того интуитионистского реал-идеализма, который Лосский в своих работах пытается интерпретировать с различных научно-мировоззренческих позиций. Если принцип этого идеал-реализма должен представлять мировоззрение, которое переживает человеческую мысль-познание как восприятие объективной закономерности, идеологически конструирующей внешний мир, то эта логика является не только изображением закономерностей человеческой мыслительной особенности, но и учением о движении человеческого переживания в этой идеологической действительности. Значение этой книги заключается, во-первых, в этом переходе от еще субъективистской логики на основе кантовского критического идеализма к такой, которая хочет быть единственным учением о мысли, объективно сообразным переживанию, или «мировым логосом» (см. с. 41–42). Но, во-вторых, оно заключается в пронизывающей

книгу педагогики, которая сводится к тому, чтобы воспитать такое реал-идеальное переживание мысли. Так, введение в книге – это логическая гносеология, которую я считаю самым впечатляющим введением в этом реал-идеализме вообще, которое когда-либо давал Лосский. Последующее формирование книги является осуществлением намерения доказать логическую действительность реальности переживания в сознании. Такое исполнение имеет осознанно антипсихологический характер. После чего каждое воззрение или убеждение, которое хочет сообщить о своем содержании другим сознаниям или убедить их в своей правильности, должно быть в состоянии добиться в чужой душе и чужой психике сопереживания своего содержания. Но это всегда является психологической задачей, которая все новые и новые стороны психологического переживания логической реальности должна возвысить к пониманию самих себя. В этом лежат задания и необходимости, которые реал-идеалистическая логика обнаруживает для себя в будущем за пределами значимого произведения Лосского.

Der russische Gedanke. 1930/1931. № 1. С. 118.

Рецензии Н.О. Лосского на книги Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и сборники «Пути реализма» и «О Достоевском»

1. Н. Бердяев. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства. В 2 т. (Paris: YMCA-PRESS, 1928. 271+236 с.)

По Бердяеву, основной противоположностью, от которой нужно исходить при построении мировоззрения, является противоположность не психического и физического, а духа и природы. Дух есть жизнь, свобода, творческая активность, а природа есть вещь, необходимость, пассивное пребывание. К природной области принадлежит все объективно-предметное, субстанциальное (при этом Бердяев под субстанцией понимает завершенное, в себе замкнутое бытие), разделенное и различное; к этому роду принадлежат не только материя, но также душевное бытие. В царстве духа разделение преодолевается любовью, и потому дух в этом отношении не является ни объективно-предметным, ни субъективным бытием (с. 35) и открывается в живом опыте и никогда рациональному познанию. Бог как дух в жизни святых, мистиков, отдельного человека является высшей духовной жизнью, существующей как сама реальность; поэтому он будет там, где есть духовный опыт; не требуется ни онтологического, ни какого-нибудь иного рационального доказательства существования Бога.

В своей глубине божественность иррациональна и сверхрациональна, и любая попытка выразить ее через понятия необходимо антиномична (103). В

природном бытии божественность выступает *символически*. Символ в религиозной философии необходимо связан с мифом. Таким, к примеру, является миф о Прометее, таким же – грехопадение Адама и Евы и таким же – о Спасении и Спасителе. Учение о символизме религиозных истин не нужно смешивать с религиозным модернизмом, с символично-фидеизмом (Сабатье), который в символе видит только субъективное выражение глубоко лежащего бытия. Символ, о котором говорит Бердяев, *сам является реальным природным бытием, стоящим в связи со своим сверхприродным смыслом*. Рождение Богочеловека от Девы Марии, его жизнь в Палестине и его смерть на кресте потому являются настоящими историческими событиями и в то же время – символами. Символизм Бердяева не является докетизмом и не ведет к иконоборчеству.

Свое мировоззрение, которое тесно увязывает духовную сущность человека с божественной духовностью, Бердяев противопоставляет равно как дуалистическому тезису, так и пантеизму, причем их он считает выражением натуралистической религиозной философии. Как он мыслит себе взаимосвязь Бога и мира, более или менее отчетливо выражается в его учении о свободе. Иррациональная свобода человека коренится в «ничто», из которого Бог творит мир (240), и это «ничто» есть бесосновная свобода, не созданная Богом и потенциально предшествующая миру. Следовательно, свобода не создана, а «Бог всемогущ в отношении бытия, но не в отношении ничто, свободы» (233). Эта свобода предшествует добру и злу; она – условие добра и зла (185). Зло возникает, когда иррациональная свобода ведет к повреждению божественной иерархии бытия, к отпадению от источника бытия, из-за высокомерия духа, который захотел поставить себя на место Бога. Этим вызвано падение, то есть материальное и вообще природное бытие и рабство вместо свободы. Вторая свобода, а именно та самая, рациональная, без первой ведет к принудительной добродетели, что значит опять же к рабству.

Исход из этой трагедии может быть только трагическим и сверхприродным. Сын Божий пришел в мир как Богочеловек осуществить единство, свободу и любовь. Благодаря ему спасение придет не посредством юридического установления права через пролитие крови невинных (как этого хочет католическое учение), а посредством просветления, обожения природы (251) Осуществление такой победы Логоса над тьмою, над «ничто» возможно только в случае, если «божественная жизнь значит трагедию» (240). «Бог сам от начала хочет пострадать вместе с миром» (251). Явление Христа и спасение есть «продолжение творения мира», «восьмой день творения», «космогонический и антропологический процесс» (254). Просветление и обожение не может быть достигнуто насильем: они предполагают свободную любовь людей к Богу. Как раз поэтому христианство является религией свободы, и книга Бердяева являет собой пламенную защиту свободы человеческой души в области веры и религиозной жизни.

Вторая часть книги Бердяева посвящена теме свободы и свободного творчества, которое Бог ждет от человека как своего друга. Церковь должна

дать религиозную санкцию не только ищущей святости личного спасения, но и гению поэта, художника, философа, ученого и реформатора, посвятившим свое творчество во имя Бога. «Спасение души означает не только заботу о себе самом» в то время, как соразмерное своему внутреннему смыслу творчество означает заботу о Боге, истине, красоте, высшей духовной жизни» (64).

В главе о «Теософии и гнозисе» Бердяев подвергает сокрушительной критике современную «теософию». Она не знает никакого Бога, а только Божественное, в ней нет свободы и никакого понятия о зле. Она есть форма натуралистического эволюционизма, который искушает кажущимся гнозисом. Церковь должна противопоставить такому эволюционизму истинный гнозис; она должна освободиться от антигностицизма, который в известном смысле становится агностицизмом (141). На пути античного гностицизма церковь хотела спасти себя от магии (142), но наше время, пережившее опыт всех возможных соблазнов, не может быть защищено от нее с помощью искусственных загородок. «В истории христианства, – говорит Бердяев, – было множество злоупотреблений с методом защиты малых сих от искушений» (168), и поэтому он требует, чтобы во имя Бога человеческий дух вступил на путь свободного творческого развития.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 1. С. 111.

2. Пути реализма. Сборник философских статей Б.Н. Бабынина, Ф.Ф. Бережкова, А.И. Огнева и П.С. Попова. (Москва: 1926, 156 с.)

Авторы-участники этого сборника словом «реализм» называют направление мысли, которое родственно англо-американскому реализму С. Александера, И. Лайерда, Монтегю и других, а в русской философии под именем интуитивизма получило выражение главным образом в работах Н. Лосского и С. Франка. Участники предложенного сборника свое направление характеризуют как интуитивный реализм. Защищая это учение, Бабынин утверждает, что «субъект сознает себя только в противостоянии независимому от него объекту» (16). Бережков со своей стороны утверждает, что физические учения о звуке, свете и т.п. согласуемы с признанием транссубъективности чувственных качеств. Огнев исследует феномен как такую величину различия, которую показывает один и тот же предмет при его наблюдении с разных расстояний, и приходит к заключению, что восприятие динамического взаимодействия между объектом и психо-физически познающим субъектом значительно, но из этого никоим образом не следует, что воспринятое содержание является психическим состоянием субъекта. Попов в своей статье хочет доказать реальность категорий и, среди прочего, исследует функцию суждения в познании. При этом он открывает в суждении три ступени: 1) потенциальный синтез, а именно видение предмета как нерасчлененного целого 2) анализ и 3) актуальный синтез.

Присоединяясь к Гегелю, для которого «суждение есть саморазвитие предданного», Попов утверждает, что в актуальном синтезе разум в совершенной форме выражает те законы и отношения, которые потенциально в нем уже содержатся.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 2. С. 220.

3. Протоиерей Сергей Булгаков. Об ангелах. (Париж, 1929. 229 с.)

Лежащая перед нами книга о. Сергея Булгакова – это прежде всего теологическое сочинение, которое назначено к тому, чтобы развить в понятиях учение об ангелах, основанное на текстах Святого писания, равно как на «литургическом и иконографическом богословии» греческой православной церкви. Помимо этого, эта книга имеет также философское значение. Оно заключается в метафизическом учении о двустороннем взаимопроникновении небесного и земного миров. Чтение этой книги предполагает задуматься, может ли богословское исследование, которое указывает на символы, разработанные общим разумом церкви, и свободные философские спекуляции с их личными и индивидуальными предпочтениями поддержать друг друга и прийти к результату, который соединит их в едином непротиворечивом целом. Важнейший метафизический тезис этого произведения состоит в утверждении, что ангел (ангел – защитник отдельного человека, церкви, народа, элементов и т.д.) принадлежит к наличности творческой Софии и соответствует тому принципу, который у Платона назван идеей. Согласно Булгакову, «истина платонизма исполняется только в ангелологии как учении о небе и о земле в их взаимных отношениях». Идеи Платона «существуют не как логические абстракции или схемы вещей, а как личные сущности, как ангелы слова» (118 с.). Учение об идее не как абстрактном единстве, однако единстве живущем и конкретно-духовном, полностью соответствует духу русской философии. В необычной своеобразной форме оно развито, к примеру, в сочинении о. П. Флоренского, названном «Смысл идеализма» (Сергиев Посад, 1915 г.). Флоренский предлагает здесь обоснование своего учения, согласно которому идеал «есть конкретная полнота и совершенство и высшая реальность» и «идея есть глаза лица, или лик». Свое убеждение, что именно в этом состоит смысл античного идеализма, он обосновывает не только с помощью общих соображений и историко-философских исследований, но и лингвистическим разбором терминов εἶδος и ἐνέργεια.

Der russische Gedanke. 1929/1930. № 1. С. 357.

4. О Достоевском. Сборник статей, изданных А.Л. Бемом (Прага, 1929. 162 с.)

Предлагаемый сборник содержит часть из докладов по Достоевскому, состоявшихся в семинарии при Русском Народном университете в Праге, основанном четыре года назад и руководимым А. Бемом. Сборник открывает статья Д. Чижевского, названная «К проблеме двойника». Она представляет собой главу из еще не вышедшей книги о формализме в этике и о его преодолении, где показано, что идея двойника правит не только в рассказе «Двойник», но и в романах «Подросток», «Бесы», «Братья Карамазовы». Автор приоткрывает внутренний философский смысл этой идеи, рассматривая феномен двойничества как следствие морального падения субъекта, а именно неосуществленность последним своей собственной конкретно-индивидуальной определенности, отчего возникает подмена субъекта другим, то есть потеря своей собственной непротиворечивости. Работа Н. Осипова «Двойник. Петербургская поэма» посвящена выяснению «психиатрической истины» одноименного рассказа Достоевского и являет собой ценное дополнение к исследованию Чижевского. В. Зеньковский предложил статью «Гоголь и Достоевский», где утверждает очень интересные черты родственности двух писателей, поскольку они увлекаются темой подполья и власти эстетического переживания над человеческой душой, а также исследует фантастический элемент в их творчестве, равно как и связь важнейших картин, представляемых ими, с личной жизнью. А. Бем в статье «Драматизация мечты» исследует рассказ Достоевского, озаглавленный «Хозяйка», чтобы с помощью собственного метода прояснить содержание тайного хода души в ею же созданном вымысле. И. Лапшин в статье «Как возникла легенда о Великом инквизиторе» (125–139) ищет параллели к ней в европейской литературе; в другой статье «Формирование образа Крафта в “Подростке”» (140–144) он в очень выразительной форме показывает, где нужно найти прототип последнего и его «Антимессианизма». С. Завадский в статье «Новое определение драмы в свете романа Достоевского» (145–154) подверг острой критике общеупотребительные определения эпоса и драмы и предложил их новые дефиниции. П. Плетнев в статье «Земля», образующей одну из глав большой работы, рассматривает культ земли и его выражение в «Преступлении и наказании», «Бесах» и «Братьях Карамазовых». В заключение не могу не выразить пожелание, что за первым томом исследований творчества Достоевского последуют другие, столь же содержательные и ценные.

Список литературы

1. Jakowenko B. Funf Jubilaen (P. Miljukow, P. Struwe, Th. G. Masaryk, D. Rjasanow, I. Lap-schin) // Der russische Gedanke. 1930/1931. 1. Heft. S. 96–101.
2. Jakowenko B. Das 60 jährige Jubiläum N.O. Losskijs // Der Russische Gedanke. 1930/1931. 2. Heft. S. 206–209.
3. Festschrift N.O. Losskij zum 60. Geburtstage. Verlag von Fridrich Cohen in Bonn 1932. S. 179.
4. Плотников Н. Европейская трибуна русской философии: «Der russische Gedanke» (1929–1938) // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 1999 г. / под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1999. С. 331–358.
5. Яковенко Б.В. «... Современная эпоха развивается и протекает под знаком русского духа» (Вступительные статьи Б.В. Яковенко к трем номерам журнала «Der russische Gedanke») / под ред. А.А. Ермичева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 199–209.

References

1. Jakowenko, B. Funf Jubilaen (P. Miljukow, P. Struwe, Th. G. Masaryk, D. Rjasanow, I. Lap-schin). Der russische Gedanke, 1930/1931, 1. Heft, pp. 96–101.
2. Jakowenko, B. Das 60 jährige Jubiläum N.O. Losskijs. Der Russische Gedanke, 1930/1931, 2. Heft, pp. 206–209.
3. Festschrift, N.O. Losskij zum 60. Geburtstage. Verlag von Fridrich Cohen in Bonn 1932, p. 179.
4. Plotnikov, N. Evropeyskaya tribuna russkoy filosofii: «Der russische Gedanke» (1929–1938) [European tribune of Russian Philosophy: “Der russische Gedanke” (1929–1938)], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli: ezhegodnik za 1999 g.* [Studies in the History of Russian Thought: Yearbook 1999]. Moscow: OGI, 1999, pp. 331–358.
5. Yakovenko, B.V. «... *Sovremennaya epokha razvivaetsya i protekaet pod znakom russkogo dukha*» (*Vstupitel'nye stat'i B.V. Yakovenko k trem nomeram zhurnala «Der russische Gedanke»*) [“... The modern era develops and proceeds under the sign of the Russian spirit” (Introductory articles by B.V. Yakovenko to the three issues of the journal “Der russische Gedanke”)]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012, pp. 199–209.